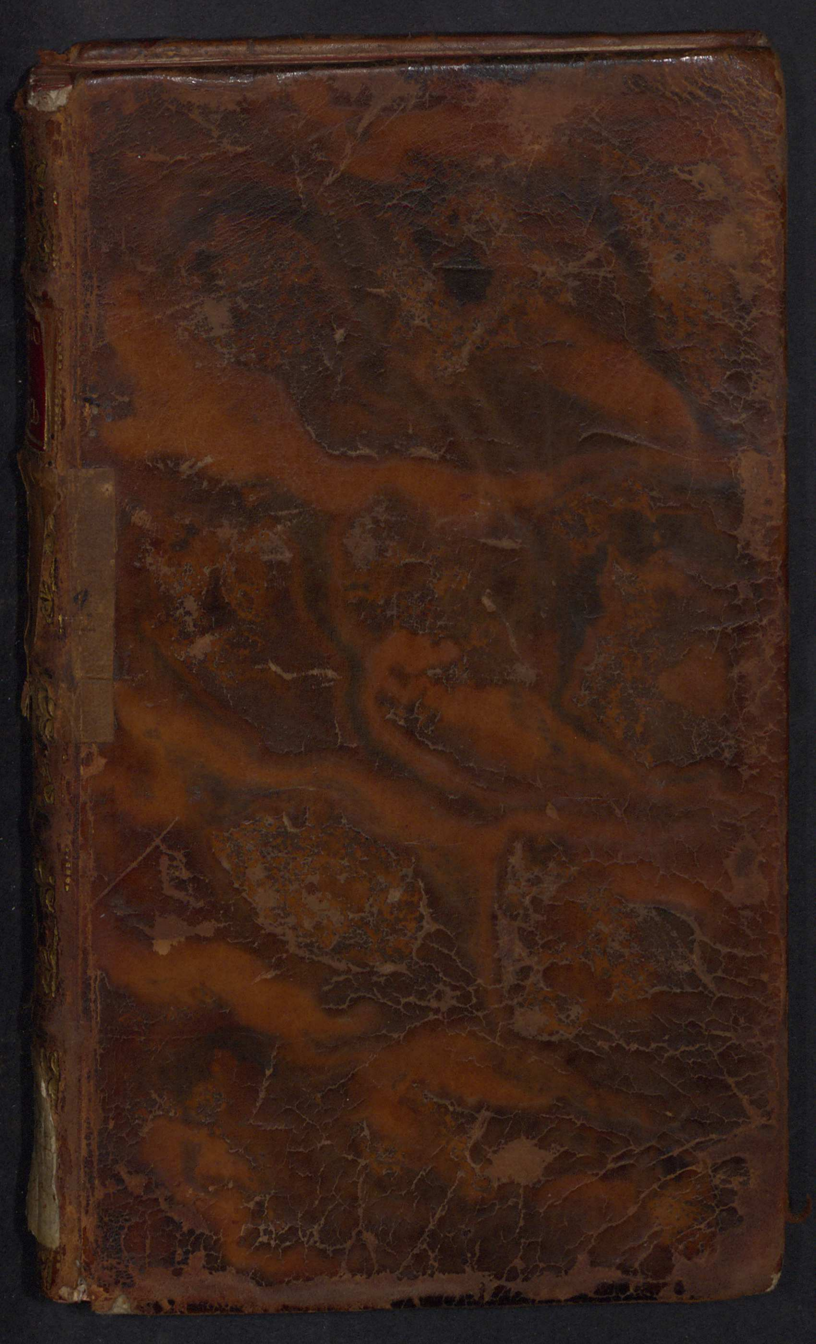
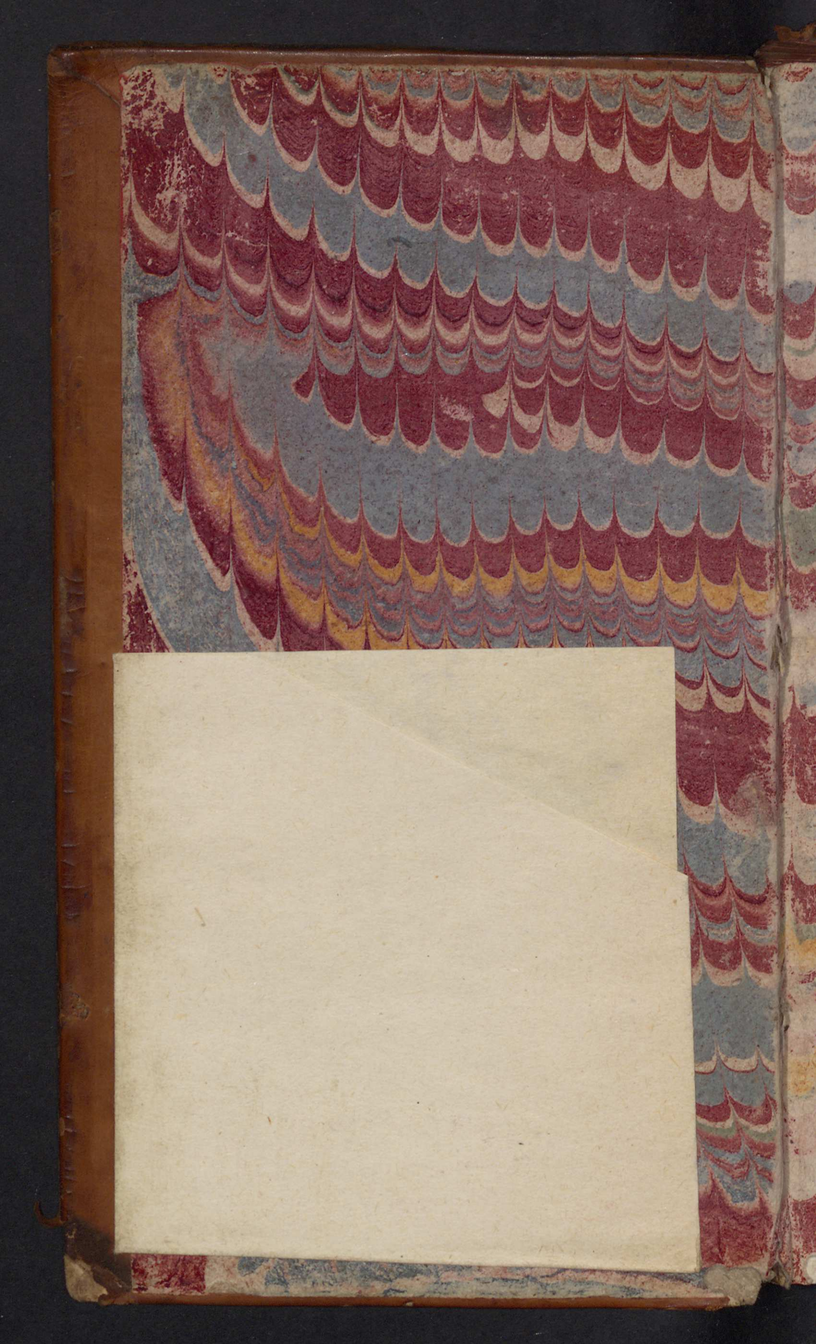
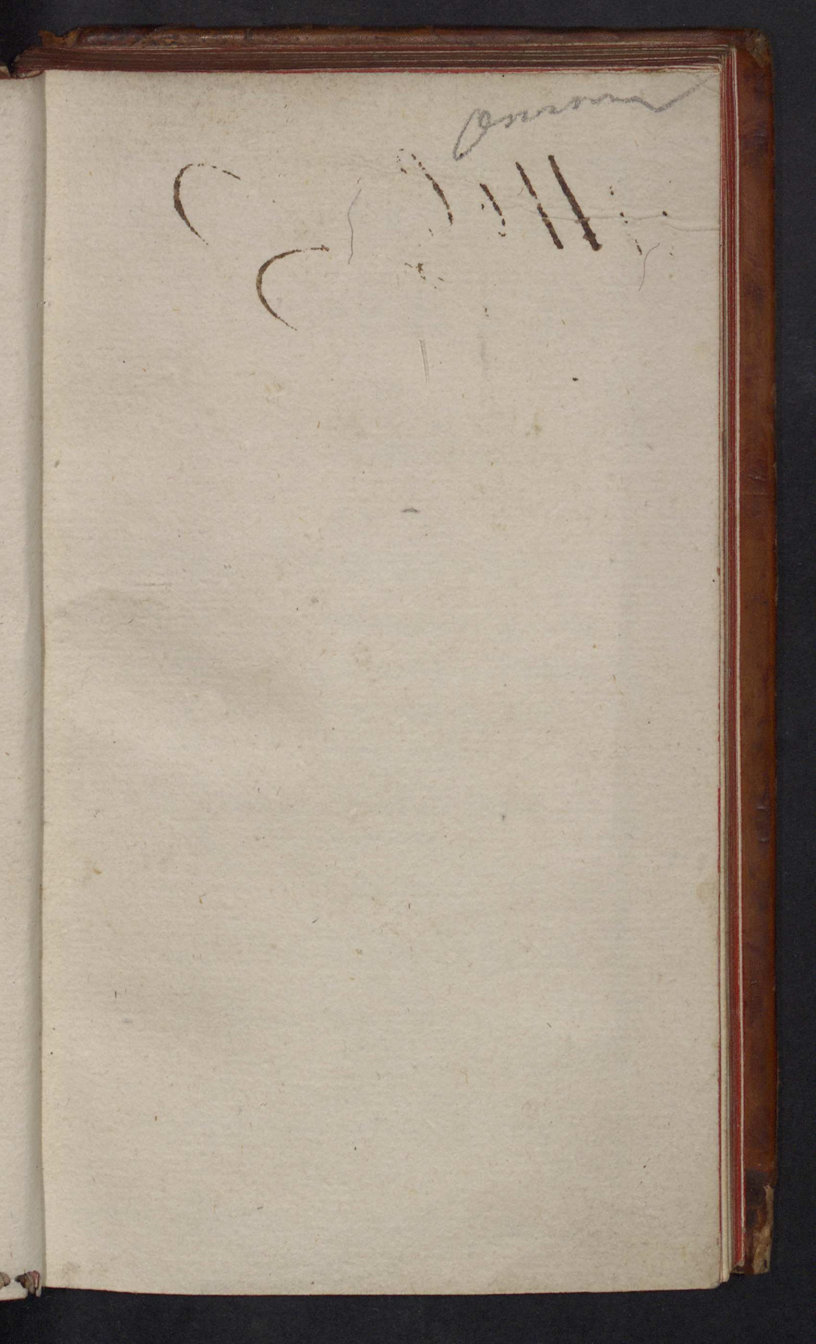

N 1166

Этим эту записку
непомнюю эту
руку фонъ
Рф

ВЕЛИКОПОСТНЫЙ КОНФЕКТЪ,

ИЛИ

СЛОВО,

НА

ВОПРОШЕНІЕ О СМЕРТИ;

какъ бы кому мужественно и великодушно, или приходящую Смерть пріимать, или уже пришедшую терпѣливо сносить.

Съ Греческаго языка на Россійской перевелъ

С. П.

Въ Санктпетербургѣ,
Печатано при Артиллерійскомъ и Инженерномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, Типог. Содерж. Клѣеномъ и Гейке.
1777 года.

ЕЯ

ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ,

ИРИНѢ ЯКОВЛЕВНѢ

ХЛѢБНИКОВОЙ,

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНѢ.

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Благодарность за оказанныя Вашимъ Супругомъ и Вами милости, побуждаетъ меня посвятить сiю издаваемую мною малую Книжицу Имени Вашему; уповая, хотя малымъ симъ знакомъ, оказать мою къ дому Вашему благодарность. Матерiя, Книжицу сiю составляющая, есть наидостойнѣйшая для упражненiя всякаго истиннаго Христiянина, а наипаче въ наступающiя дни Великаго

каго Поста; и я несумнѣваюсь, что оная Вамъ понравится.

Въ прочемъ, когда сей знакъ моея благодарности и моего усердія, удостоится Вашего благопринятія, тогда совершенно исполнится желаніе,

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ,

Вашего покорнѣйшаго слуги,

Издателя,

ВСЛ. МТРПЛСКГ.

СЛОВО

НА ВОПРОШЕНІЕ О СМЕРТИ:

Какъ бы кому мужественно и великодушно, или приходящую смерть пріимати, или уже пришедшую терпѣливо сносити?

Аристотель разсуждая, что и по врожденной склонности нашего хотѣнія и по неминуемой нуждѣ собственныя ея твердости и соблюденія, находимся мы человѣки между собою животны, въ свиданіи, въ обхожденіи и бесѣдованіи другъ со другомъ собращательные; поставлялъ строгое уединеніе весьма быть чуждо (нашей) природѣ. Сіе (говорилъ онъ) или вышшее есть нѣчто, или нижшее человѣческаго природнаго состоянія. Уединенное (де) и безмолвное, и устранятельное житіе и пребываніе, пристойно есть или

Богу, или звѣрю. *Или Божеское, или звѣрское.* (a) Подобно сему и я, разглашаемое всячески безбоязньство отъ смерти, и совершенную при кончинѣ здѣшнія жизни безмятежность души и неразборчивость, поставляю быть вещію съ состояніемъ человѣческой природы неизвинительною и нестатною: но развѣ Божественное вдохновеніе, возводящее человѣка выше нужды и пристрастія къ здѣшней жизни: или же безразсудная глупость и мечтательное воспаленіе, сводящее его съ праваго разума и здраваго разсужденія; (а третіе ничто) можетъ то произвесть, чтобъ мы взирали на тлѣніе собственнаго нашего состава безъ всякія разборчивости. И сіе есть таже самая истинна, какъ и оная: *или божеское, или звѣрское.* Или и звѣрскаго иногда еще подлѣе.

Стои-

(a) *Немогущій сообщатися; или ничего не требующій по самодовольствію ни единой части общежительства; или звѣрь есть, или Богъ.* Арисш. Общеж. 1. гл. 2.

Стоики, философы на людей непохожїе, да и изъятно паче всѣхъ прежде бывшихъ философъ къ вѣроятїю такъ странные, увѣряя ни мало не къ статѣ о сущемъ въ болѣзненныхъ припадкахъ удобопостоянствѣ и терпимости и непреодолѣнности души; по истиннѣ суть удивительны, да чтобъ не сказать, и смѣшны! Они обезчеловѣчили человѣка, желая ему быть безстрастну, сдѣлали его безболѣзненнымъ; оказали сущаго изъ крови и плоти, составленнымъ изъ *дуба* или изъ *камня*. **Они изъ *алмаза*, или *желѣза выковали черное сердце*.** Они, изъ ученїя ли или шутя таковый философскїй образъ намъ выковали; того я не понимаю. Мужественны, безъ сумнѣнїя, и храбры являлись они словомъ: но не знаю, имѣли ли сїе мужество истинное и безподозрительное въ самомъ дѣлѣ толико, коликимъ бы наслаждаться могли аки въ розахъ въ тернїяхъ? и съ веселїемъ бы души и кротчайшею тишиною и безмятежїемъ

жїемъ предузрѣвали, или выходили на болѣзненную и страшнѣйшую смерть? Что снесъ терпѣливно Епиктитъ, боль голени? Что вытерпѣлъ съ умѣреннымъ страданїемъ Анаксагоръ, сокрушенїе костей и раздробленїе всего тѣла: что снесъ съ удобностїю Сенека, пущенїе изъ жилъ у себя крови; пусть такъ. Сїе поставляю я, яко толь мужество знаменитое и такъ рѣдкое великодушнаго Философа: которой правымъ разсудкомъ обучился измѣривать по надлежащему не охотою прїемлемыя таковыя приключенїя, да и долговременнымъ упражненїемъ привыкъ противоборствовать съ случающимися въ человѣческой жизни злоключенїями, снося ихъ спокойно. Дадимъ мы нѣкоторый отличный степень мѣрнострастїя, Героямъ Стоическимъ: но безмѣрности страннословїя и конечнаго безстрастїя не умѣетъ мой желудокъ сварить. Равно я вѣрю Стоику не смущаться всячески, когда видитъ смерть къ себѣ приближающуюся, какъ и когда онъ

жарящся

жаряся въ волѣ Фаларидовѣ признаваетъ себя быть въ безстрастіи, да и что будто находится во благодушіи и спокойствѣ.

Соблюденіе своего состава, неразделимое есть послѣдованіе старѣйшему и священному закону естества, коимъ Міроздатель сцѣпилъ созданное Имъ все существо, и соблюдаетъ онъ все. Таковый законъ издалъ Онъ особливо разумной природѣ, и написалъ его неизглаждаемыми характирами на дскѣ человѣческаго сердца. Законъ сей тотъ, которой видѣли и прочли во тьмѣ заблужденія и самые лучшіе изъ Языческихъ Философовъ: *Не должно самихъ себя изводить изъ жизни.* Законъ тотъ, которой чувствуютъ всѣ, и исповѣдуютъ и волею и неволею. Да и самъ Родоначальникъ Адамъ, до искуса еще смерти пріялъ аки прещеніемъ себѣ смерть. Не соблюдши онъ съ должнымъ повиновеніемъ дара безсмертія, услышалъ аки осужденіемъ, сво-

его состава, разрушенїе: *Земля еси, и въ землю отъидеши.* (быт. 3. 19.) Надобно быть тяжку и прискорбну и неизбѣжиму по природѣ всему тому, что отъ Бога изречено, яко наказанїю всего повиннаго естества! Кто можетъ, дондеже пребываетъ внутрь таковаго естества, обрѣстися внѣ сего общїя казни всероднаго осужденїя? Человѣку, которой подлинно всячески смерти не боится, нѣтъ средства имѣть себѣ смерть разсудкомъ мучительнаго осужденїя, ниже наказанїя. И такъ слѣдуетъ такому, или не быть произведену изъ чреслъ Адамовыхъ, какъ прочїе: или преестественнымъ нѣкїимъ и остроумнѣйшимъ дѣйствомъ вышшїя и лучшїя силы, по изключенїи изъ страстнаго состоянїя, быть совершенно безстрастну во общемъ человѣчества злостраданїи. Самъ Богочеловѣкъ Іисусъ, Господь Нашъ, явившїйся на земли для разрушенїя сего осужденїя и испроверженїя смертныя силы, когда увидѣлъ близъ наступающую къ себѣ

смерть,

смерть, началъ скорбѣть яко человѣкъ и печалиться, и молиться: *да мимо идетъ отъ него, аще возможно, сїя чаша.* (матѳ. гл. 26. ст. 39.) Дабы ему насъ увѣрить, (какъ говорятъ Богоносные отцы) что Онъ есть прямо и всеистинно, естествомъ и самою вещїю человѣкъ, а не мнѣнїемъ и привидѣнїемъ; даетъ сей знакъ яко нужное и нераздѣльное человѣческаго естества свѣдѣнїе; то есть оное, что онъ скорбитъ и тоскуетъ при смерти.

Многїе храбрствуютъ противу смерти, пока она отъ нихъ въ дальномъ разстоянїи: но когда приближится, тогда оказуется естества немощь. Старикъ Есоповъ будучи отягощенъ отъ бремени, и утомленъ отъ труда, ради облегченїя себя отъ тягости, и дровъ, и лѣтъ, призывалъ къ себѣ смерть: а когда она къ нему пришла, то онъ ей сказалъ: *нѣтъ! Я вить звалъ тебя, чтобъ ты мнѣ помогла бремя дровъ поднять.* И по повѣствованїю Сокра-

това

това Эсхина, Аѳинянинъ Аксіохъ, пока былъ здоровъ и крѣпокъ, пересмѣхалъ и ругалъ боящихся смерти: однако какъ увидѣлъ наступившее уже ему злоключеніе, тогда началъ скорбѣть отъ сердца; тогда сталъ тосковать и трепетать. *Подлинно, о Сократъ!* (не скрываетъ того сынъ умирающаго Аксіоха Клиній) *Отецъ мой съ нѣкотораго времени нечаянно заболѣлъ, и какъ нынѣ при концѣ жизни уже себя видитъ, то сталъ сносить свою кончину печаляся, хотя въ прошедшемъ годѣ боящихся смерти онъ пересмѣхалъ, и спокойно ихъ ругалъ.* Внѣ вѣка храбръ, а труслилвъ и малодушенъ въ семъ подвигѣ! Наипаче самый же тотъ Аксіохъ, во время умиранія, когда къ постели его подошелъ Сократъ, увѣщавалъ его принять смерть весело и спокойно, слушая его словъ во свое утѣшеніе, не устыдился выговорить явно души своей слабосиліе: *Истинно, о Сократъ! и право кажется ты*

мнѣ

мнѣ говоришъ: но не знаю какъ то при самомъ наступленіи ко мнѣ бѣдствія, великодушныя и искусныя слова въ памяти у меня ослабѣваютъ, и важность свою теряютъ. Утѣшенія твои, о Философъ! суть сильны: слова твои истинны: разсудки твои правы; но токмо въ то время, когда злоключительное бѣдствіе далеко отстоитъ. А теперь какъ умъ размышляетъ о близости, и разсуждаетъ какъ о настоящемъ; то самую истинну тебѣ я объявляю, что великодушныя твои слова, *по приступленіи ко мнѣ бѣдствія*, лишаются силы и важности своей. *Въ памяти ослабѣваютъ, и важность свою теряютъ.*

Наблюдается и здѣсь общій предѣлъ дѣйствующимъ въ свѣтѣ силамъ. Онѣ подлинно дѣйствуютъ весьма удобомощнѣе, по елику болѣе приближаются. Естьли тотъ, кто думаетъ, что находится разстояніемъ отъ смерти

въ десяти шагахъ, боится какъ бы одного; надобно другому бояться отъ нея во сто, кто усматриваетъ ее какъ бы на единъ токмо шагъ разстояніемъ. Десятеричная близкость производитъ въ другомъ боязнь въ сотеро болѣе первой, когда мы положимъ всѣ другія (разстоянія) подобными и равномѣрными. И такъ гордый Стоикъ недостовѣрный есть намъ свидѣтель въ безстрашіи отъ смерти, когда онъ доказуетъ велерѣчиво, что будто бы отнюдъ смерти въ тотъ часъ не боится, когда душа его не имѣетъ никакой уже причины о ней сумнѣваться. Въ самую ту минуту, въ которую смерть приступитъ, душа естественно устрашается, бояэнію и трепетомъ объята бываетъ, по колику она прежде тому не вѣрила. *И пріиде Агагъ трепеща, и рече; тако ли горька смерть!* (1. кн. Царст. глава 15. ст. 32.) По сему извѣстно есть и оное Всепремудраго, и Всеблагаго Божія промысла чудное распоряженіе, что онъ смѣшалъ съ смертнымъ страхомъ надежду

дежду жизни и съ подлиннымъ сбытїемъ безбоязненность часа, дабы не умерщвлялася мятущаяся и прежде еще времени душа, и дабы не умиралъ бѣдный человѣкъ отъ страха и до наступленїя еще опредѣленнаго къ тому часа.

Я вижу, что на сїе можетъ кто либо мнѣ отвѣтствовать. Скажетъ, что (де) и изъ Исторїй мы свѣдомы, и отъ самаго опыта многихъ такихъ знаемъ, кои презрѣли и презираютъ смерть, многїе не убоялися отъ угрозъ ея, и многїежъ безмятежно и не смущенно предусрѣтали ея стремительныя нашествїя. Сколько людей померло отъ непрїятїя чрезъ многїе дни пищи, чемъ потушили лампаду жизни, не приливая требуемаго ею масла на горѣнїе? Сколько такихъ людей, кои вымыслили разныя средства и выдумки на прерванїе той нити, коя еще отъ Клоты въ длину прялася? Сколько такихъ, кои называли (по подобїю Іова) смерть яко своею матерью? Многїе обрѣли ее само-

 по-

побужденно во глубинѣ воды, многіе въ безднѣ земли, многіе на высотѣ висящей петли, въ ярящемся пламени, во остріи меча, въ сильной отравѣ. Діогенъ (какъ говорятъ), умерщвленъ отъ сырой каракатицы: Ѳемистоклъ отъ бычьей крови: Клеопатра отъ ядовитаго угрызенія зміею. Оставляю я подробно тѣхъ описывать, коихъ есть число безконечное. Брахманцы и Гимнософісты Индійскіе, имѣли почти якобы собственнымъ своимъ званіемъ, предвосхищать часъ смертный самохотно; многіежъ изъ самыхъ Восточныхъ народовъ еще и донынѣ приносятъ себя въ жертву самопроизвольно: за смерть своихъ властей подвластные, за господъ раби, за друзей друзья, и за законныхъ мужей ихъ жены. И естьли мы во внѣшнихъ сихъ примѣрахъ похощемъ собрать внутреннія и священныя, въ коихъ ни притворство вмѣщается, ни подозрѣнію обмана они подвергаются: то *имѣемъ облежащъ насъ толикъ облакъ свидѣтелей*, что не остается уже болѣе сумнѣнія,

якобы

якобы не возможно человѣческой душѣ преодолѣть природную смерти боязнь и пріять мужественно и великодушно сіе разрушеніе. Богатые и убогіе, благородные и подлородные, мужескій полъ и женскій, младые отроки и нѣжныя дѣвицы, люди всякаго возраста и чина, преодолѣли сей страхъ, и видѣли своими очами со всеудобнымъ постоянствомъ и безмятежіемъ сердца прежесточайшую и насильственную и болѣзненную смерть; на сіе что мы отвѣтствуемъ?

Отвѣтствуемъ то, чему наставляетъ разсудокъ истинный и испытанное и правое разсмотрѣніе. Елико принадлежитъ до великодушныхъ Героевъ Христіанства, то о нихъ объявляемъ, что во Исповѣдникахъ оныхъ и Мученикахъ, безстрашіе отъ смерти не было дѣломъ силы естественной, и просто человѣческой; но было дѣйствомъ благодати естество превосходящей, и всячески Божеской. Всемогущая десница Создателя сердецъ, утвер-

дила и усилила оныхъ сердца, и ихъ укрѣпила преестественно, такъ, что дала имъ уразумѣть тлѣнїе, яко въ другой жизни рожденїе; и отсюды отшествїе, яко кончину горестнаго изгнанїя, и въ желаемое отечество возвращенїе и преселенїе: яко отъ бѣдности и злоключенїя облегченїе, и сущїя на небеси блаженныя славы истиннѣйшее наслажденїе. Страдали они во время оное нѣкїимъ Божественнымъ измѣненїемъ, чуднымъ восторгомъ по душамъ, да и были во истинну *внѣ плоти и чувства.* Не яко бы въ злостраданїяхъ вовсе были нечувственны, но что преодолѣвала горесть золъ услажденїе Божїею любовїю, да и такъ превозмогла преестественно благодать. Тѣло въ подвигахъ, а умъ въ возмездїяхъ: уды въ ломанїяхъ, а мысли въ возданїяхъ: плоть подъ камневерженїемъ зарывалася, а душа потому на горняя взирала: *И видѣ небеса отверста, и сына человѣча стояща одесную Бога.* (Дѣян. гл. 7. ст. 56.) Довольно сего Первомученикова примѣра и о прочїихъ.

Что

Что же касается до Героев Свѣтскихъ, то разсудокъ имѣетъ великую разность. О нихъ можетъ кто либо или прямо отрещися *отъ условія*, или разсуждать *примѣрно*. То есть: или они не имѣли отнюдъ въ душѣ всячески разглашаемаго безстрашія отъ смерти: или же хотя оное и имѣли, то имѣли яко сумасшедшіе: да и не имѣя въ часъ оный совершеннаго правленія умомъ, побуждены были на то безумно и несмысленно, какъ безсловесные звѣри. Всегда имѣетъ себѣ мѣсто, съ начала положенное отдѣленіе онаго *Аристотеля: или Божеское, или звѣрское.*

Во многихъ помрачилъ изъ нихъ умъ, густый тщеславія дымъ. Погрѣша они въ разсудкѣ ума, вошли во лжесоставный облакъ, и объяли гололедицу, какъ бы *Иксіонъ*, въ мысли то имѣющій, что будто бы онъ совокупляется съ Юноною. Помрачився они отъ общей славишки, не разсуждали съ разумомъ: разсуждая несмысленно, не

имѣли

имѣли общаго совѣта какъ люди. Потомъ, какъ таковое умопомраченіе привело ихъ къ устамъ смерти, и увидѣли, что не могутъ уже отъ нея избѣгнуть; то могли ли они и въ часъ оный, въ самую минуту бѣдствія совершенно быть безустрашительны? Кто хочетъ, пусть тому повѣритъ.

Кодръ между Афинянами и Леонідъ между Спартанцами, возжелали оставить славу вѣчную Грекамъ, принесеніемъ себя въ самохотную жертву за свободу и соблюденіе своего отечества и рода. Геройское ето побужденіе, безсумнѣнно, души мужественной и велеумной! Но изъ нихъ я сумнѣваюсь. Вить отъ боговъ даванные имъ отвѣты вызывали ихъ на подвигъ. Естьли бы они стали отъ несчастія того уклоняться, то бы осталися безчестны во всю свою достальную жизнь, что по самолюбію измѣнили нѣкіимъ образомъ единородцовъ своихъ спасенію. Пали бы и они съ прочими, (какъ того чаяли) или при сраженіи

на

на войнѣ, или попався въ неволю плѣна. И такъ опять смерть! Однако срамная, а не славная. Дѣло сїе или такъ, или инакъ, по обстоятельствамъ неминуемое. Нужда къ тому зазываетъ. Разумъ, выбиранїемъ себѣ нехуждшаго, кажется въ томъ увѣряетъ: будущая отъ производства дѣла похвала и слава то облегчаваетъ. Но чтобъ при самомъ часѣ онаго предпрїятїя вышелъ со всѣмъ изъ ихъ сердца естественный страхъ, природная боязнь, неминуемый ужасъ; тому не вѣрю.

Но Эмпедоклъ де (говорятъ) безъ всякой нужды самохотно и самопобудительно себя ввергнулъ въ объятїя горы Этны, съ надеждою, что сдѣлався онъ невидимымъ сопричтенъ будетъ въ число съ Богами; что бы иногда и сбылося, естьли бы не измѣнили ему летѣвшие отъ силы огненной его туфли. Я и здѣсь нахожу себѣ затрудненїе къ увѣренїю. Можетъ быть, что оный любопытный Философъ подшелъ къ

Этнѣ съ тѣмъ намѣренїемъ, съ каковымъ и старикъ Плинїй послѣ къ Везувїи, дабы ему извѣдать точнѣе изъ близка дивное то и страшное натуры дѣйство: и какъ произошло изъ нея внезапно огненное стремленїе, то подало многимъ поводъ на сложенїе притворной басни. Но ежели Эмпедоклъ сїе по первоупомянутому намѣренїю предпрїялъ, въ надеждѣ себя обоженїя; то я удаляяся отъ названїя его философомъ, не удостояю наименовать его ниже простымъ человѣкомъ: а называю его скотомъ, да и скотовъ еще несмысленнѣйшимъ, то есть, что дымъ честолюбїя потуша въ немъ ума просвѣщенїе, воспалилъ огонь Этны. Его, естьли онъ побудился съ такимъ намѣренїемъ, да и другихъ таковыхъ, которые помрачився отъ паровъ горделиваго велеумїя, достигли до презрѣнїя собственной своей жизни; описуетъ намъ подробну образъ Стомилъ, а при немъ и Шутъ Лукїанъ при кончинѣ Перегриновой. Неудивительная вещь предпрїять толикую силу въ ду-

шѣ

шѣ честолюбивой страсти; и какъ страсть усилится, то разсудокъ умерщвляется, а на мѣсто его безразсудная глупость зараждается, и преемникомъ бываетъ звѣрство человѣчеству. Злочестивый Порфирїй, по впаденїи въ задумчивость, едва было не дошелъ до сего обезумленїя; естьли бы не предостерегъ учитель его Плотина воспрепятствованїемъ ему слѣпаго его стремленїя, и остановленїемъ безразсуднаго побужденїя уздою Философскаго наставленїя и увѣщанїя.

Въ иныхъ еще помутила чистоту ума безмѣрная горячесть, и воспаленїе свирѣпаго гнѣва; и такъ они какъ слѣпые въ безмѣрїи страсти, не видя прямо къ какой погибели притекали, оказали себя мужественныхъ въ выхожденїи на смерть. Сїе случается: *Какъ дымъ, угрызающїй очи, не допускаетъ видѣть лежащей вещи у ногъ; такъ гнѣвъ высокомѣрный помрачаетъ умъ.* При наступленїи гнѣва въ ту же минуту *разсудокъ* (гово-

(говоритъ Аристотель) *уходитъ*. Итакъ къ стати наименовалъ онъ его *страстію зверскою въ разпоряженіи*. Подлинно онъ сумозбродствомъ, дурачествомъ, видомъ обезумленія. *Гневовоспаленія цветъ обезумленіе*. Обезумляемся мы все, *когда сердимся*. Изрядно старшій Катонъ, между гневовоспалившимся и обезумляющимся, иной разности не находилъ кроме той, что сей сходитъ съ ума на долгое время, а оный на малое. *Разсерчавшаго поставляй предъ сумасшедшимъ, временемъ токмо разнствовать*. Первый есть горячкою, временемъ схватывающею: и другой продолжительною и безпрерывною. Однако лихорадка сія сильная и жестокая, и въ одномъ и въ другомъ. Естьли кому въ семъ жару случится презреть смерть, то не есть знакомъ великодушія. А обезумляющійся отнюдъ не бываетъ мужественъ, какъ ни младенецъ хотящей облобызати огонь. Ни оный, ни сей, не разсуждаетъ о бедствіи. Младенецъ потому, что не зажглася

ся

ся еще въ нѣжномъ его мозгѣ свѣча разума: а оный потому, что сія свѣча погасла. Сказать прямо, добродѣтель не безъ совѣта, ни совѣтъ безъ ума, ни ума тамо нѣтъ, гдѣ возрастаетъ страсть: а наипаче страсть ярости звѣрской и необузданной. *Вѣдаю то подлинно, что имѣю я содѣлать злое, но вить гнѣвъ лучше есть моихъ разсудковъ!* Мидія въ жару яростнѣйшаго своего гнѣва закалаетъ малыхъ у себя дѣтей. Другіе воспаляются бѣшенствомъ на самую свою жизнь премногими образы. Нѣтъ, нѣтъ: сіе не дѣйствомъ есть неустрашенія отъ смерти, но плодомъ скотскаго неразумія. Не дѣломъ человѣческимъ, но звѣрскимъ.

Многія другія страсти съ вышереченными могутъ воспріять такую силу въ душѣ, что ее заставляютъ не небояться: но токмо казаться, что будто бы она не боится Смерти. Всѣ онѣ равнымъ образомъ обладаютъ разсудкомъ, и до того несмысленныхъ дово-

водятъ, что они предаются Смерти безразсудно. У одного совершенное отчаяніе отъяло разсудокъ, а у другаго жестокая и безутѣшная печаль. Сей объемлетъ смерть въ такомъ обстоятельствѣ, что ее предвидитъ въ обстоятельствѣ другомъ, несравненно жесточайшемъ и насильственнѣйшемъ: а оный ее приглашаетъ яко Врача болѣзней нестерпимыхъ, и поставляетъ *меншимъ злоключеніемъ единожды умереть, нежели доходитъ многажды до смерти*. Брутъ побѣжденъ бывъ на брани, самъ себя умертвилъ, чтобъ ему не попасться въ руки Августа и Антонія, своихъ непріятелей, ибо онъ то себѣ поставлялъ тяжчае самой смерти. Египетская Клеопатра самажъ себя ядомъ уморила; ибо отведеніе себя въ неволю плѣнницею, вмѣнила и угрызенія зміею болѣзненнѣе. Да и Оттоманскій Монархъ Баязетъ разбилъ свою голову объ желѣзную клѣтку, въ которой возимъ былъ какъ бы Тигръ заключенный: ибо не имѣлъ уже болѣе

силы

силы сноситъ побѣдителя Скиѳа надъ собою ругательства. Въ нихъ, и въ премногихъ другихъ, презираніе смерти не происходило отъ безстрашія, но отъ страха вящшаго бѣдствія, и злоключенія тяжчайшаго. Не отъ великодушія, но отъ малодушія.

Впрочемъ я заключаю, что находящаяся въ природномъ своемъ состояніи душа, безъ страха отъ смерти ни какъ пробыть не можетъ. А можно токмо, по моему разсужденію, такому безстрашію быть въ человѣкѣ, или *преестественномъ*, какъ мною выше показано, или *же внѣестественному*. *Или божественному*, *или звѣрскому*

Но нѣтъ ли средства, хотя ко уменьшенію смертной боязни, чтобъ быть сему страху въ душѣ умѣреннѣе? — Отвѣтствую: естьли вопросъ сей заключится въ сихъ границахъ; то есть, можно ли человѣку расположиться такимъ образомъ,

чтобъ

чтобъ онъ меньше сталъ бояться приходящей Смерти, и сносить ее уже къ нему приступившую спокойнѣе? То сему быть, да и всячески такъ себя расположить человѣку можно. Совершеннаго отъ Смерти *безстрашія* по естеству я не пріемлю, а не *мѣрнострашія*. Самаго *безстрастія* не могу я слышать, а не *мѣрнострастія*.

Клиній просилъ Сократа, чтобъ онъ пошелъ уговорить и утѣшить отца его Аксіоха, *дабы онъ безъ стенанія* (безъ оханія) *общую должность въ умираніи исполнилъ*. Сего слова *безъ стенанія*, очень много, о Клиній! Какъ? что бы оскорбляемая душа отъ естественнаго страха разрушенія ни единожды не охнула, ни единожды не простенала. *безъ оханія* ли! О! *оже-сточилъ ты свое прошеніе*. Прошеніе твое неудобно. Довольно съ тебя, что бы Сократъ отца твоего привелъ въ такое состояніе, чтобъ

онъ

онъ снесъ смерть мѣрнострастно и кротко.

Онъ же Сократъ, еще упоминая о утѣшенiи Продика, говоритъ: Столько (де) онъ разговаривалъ въ домѣ Каллiи сына Иппоникова, да и столь много изъяснялся отъ болѣзненной и бѣдственной здѣшней жизни, что съ онаго самаго часа возжелалъ я самъ умереть. *Толь много противу жизни онъ изрекъ, что съ самой той минуты уничтожилъ я жизнь, и отъ нея моя душа омертвѣваетъ.* Столько ли? Очень много! Сiи утѣшенiя слышалъ Сократъ отъ Продика, въ домѣ Каллiи: да услышалъ и я тѣжъ самыя отъ Сократа, въ разговорѣ Сократова Эсхинiя. Но Сократова душа по выслушанiи обмирала, а моя по прочтенiи нѣтъ. Мила мнѣ жизнь! А изъ Продиковыхъ и Сократовыхъ увѣщаванiй единъ только плодъ возъимѣть я себѣ желаю: не *обмирать*, но когда на-

ступитъ общая должность, *спокойно умереть.*

Впадали многократно въ безмѣрности, добрые сіи Философы. Такимъ образомъ повѣствуютъ и о нѣкоемъ Философѣ Игисіи, изъ именуемой Киринейской грубой оной и подлой Секты (или толка), что съ толь сильною печалію окаевалъ онъ здѣшнія жизни несчастливое состояніе, яко преклонилъ многихъ его слушателей самохотно умерщвляться: почему онъ и прозванъ *Игисіею преклонно смертнымъ.* Да повѣствуютъ еще и о Клеомвротѣ Амвракіонитѣ, что какъ онъ прочелъ о безсмертіи души Платоновы слова, то для предваренія блаженнаго онаго наслажденія нестарѣемымъ и безпечально благополучнымъ пребываніемъ, вскочилъ тотчасъ съ нѣкоей высокой башни (на которой онъ тогда находился) въ низъ опрометомъ, и разбился. Ему слѣдующая сложена надпись:

„По

„По изреченіи Клеонвротомъ Амвракіонитомъ:
Прощай Солнце!

„Вскочилъ онъ съ высокой стѣны во Адъ;
„Никакого достойнаго смерти бѣдствія не увидѣвши,
„Но токмо Платоново о Душѣ писаніе прочетши.

Сіи суть можетъ быть *Ѵпервол*ы, то есть *превосходнословія.* Или остается другое, что такъ легко себя умерщвляющіе были человѣки мечтаніемъ уязвленные, Меланхолики и Сумозброды.

Поставимъ мы истинну на ея мѣрѣ, можемъ мы укрѣпить душу нѣкоторыми средствами, и разными разсудками, чтобъ она возъимѣла умѣренный страхъ о смерти, а не содѣлать ее со всѣмъ быть не устрашиму. Сіе то есть оное, чего требуетъ и правая Философія; сіе то есть оное, о чемъ повелѣваетъ и истинная вѣра: *Не яко да не скорбите; но да не скорбите якоже и прочіи.* Что бы чело-

ловѣкъ ни *затрудненія въ умираніи* имѣлъ, ниже бы опять себя *умерщвлялъ*: Но *спокойно умиралъ*: Ниже бы надъ мѣру страстенъ, ни опять безстрастенъ былъ въ семъ случаѣ: но мѣрнострастенъ: ни безмѣрно дерзостенъ, что поставляется звѣрствомъ: ни сверхъ пристойности труслив, что признавается безразсудкомъ и слабосиліемъ: но терпѣливъ и мужественъ: что есть и человѣчествомъ, и Христіянскимъ благоразсудкомъ и великодушіемъ. *Безстрашіе бо въ естествѣ Боговъ: добродѣтелію же человѣцы злонравіе облегчаевающіи, мѣрнострастны бываютъ: и уклоненіе отъ безмѣрія самымъ бы было мудраго подвигомъ.* Синесіево премудрѣйшее слово къ Діону.

Но какія суть оныя средства и способы, кои могутъ установить душу въ такомъ единственномъ и справедливомъ мѣрнострастіи? Они суть тѣ, кои сокращенно подъ симъ принимаюсь я изложить.

I. Великимъ способомъ противъ страха смертнаго разсудокъ есть сей, что смерть толь крѣпко съ здѣшнею тварїю и жизнїю соединена, да и такъ почти сказать, съ нею сосуществлена, что не можно ей не быть, поелику человѣческая природа находится и пребываетъ въ семъ состоянїи. Тѣ самыя вещи, которыя человѣка въ живыхъ содержатъ, онѣ же его и умерщвляютъ. Самыя пожилыя лѣта, самая пища причинами суть тлетворными и смертоносными.

Послушаемъ мы нѣкоего Философа, въ живыхъ еще обрѣтающагося, которой извѣдываетъ болѣе всего другаго о премѣнахъ и происхожденїяхъ естественныхъ. (Бюфонова Натурал. Истор. въ томѣ 2. о Человѣкѣ. О старости смерти стран. 567.) „По прожитии многихъ лѣтъ „и состарѣнїи человѣка, кости, хрящи, „перепонки, плоть, кожа и всѣ тѣла „жилки твердѣютъ, жестѣютъ, из„сыхаютъ: всѣ части сжимают-

„ся и смыкаются: всѣ движенія осла-
„бѣваютъ и неповоротливы стано-
„вятся. Кругообращеніе мокротъ бы-
„ваетъ медлительнѣе, дыханіе мень-
„шее, испражненія отмѣнныя, пища
„въ желудкѣ не такъ скоро варится:
„да и съ нѣкоторымъ затрудненіемъ,
„питательные соки не столь изобиль-
„ны и негодны къ большему числу
„мѣлкихъ жилочекъ, яко уже отвер-
„дѣвшихъ, и въ пищѣ не пользую-
„щихъ. По чему таковыя окрѣплыя
„части, какъ уже непитаемыя умерщ-
„вляются. И такъ умираетъ тѣло
„по немножку и по частно: движеніе
„его по степенно умаляется, жизнь
„преемственно погасаетъ, и смерть
„есть не другое что, какъ послѣдній
„предѣлъ постепенно.

„Сія причина (прибавляетъ тотъ
„же Писатель пониже, на стран. 568)
„естественной смерти, есть общая и
„главная во всѣхъ животныхъ, а при
„нихъ и въ самыхъ древахъ. Дубъ
„не по другому чему согниваетъ, какъ
„ток-

„ токмо по остарѣлымъ древа частямъ,
„ которыя въ срединѣ уже чрезмѣрно
„ затвердѣвши и окрѣпши не пріе-
„ млютъ болѣе въ себя питанія. Вну-
„ тренняя древа влажность уже во-
„ кругъ необращаемая, ниже отъ при-
„ хода другаго новѣйшаго сока паки со-
„ ставляемая и восполняемая, согнива-
„ етъ и истлѣваетъ, и измѣняетъ
„ по малу основы древа; а основы пре-
„ мѣняютъ цвѣтъ, прелагаютъ и на-
„ конецъ въ пыль превращаются.

„ Впрочемъ, (заключаетъ онъ же
„ на стран. 570.) причины нашего
„ тлѣнія суть нужны, и смерть по-
„ слѣдуетъ необходимо. Не можно про-
„ длить человѣку конца опредѣленнаго,
„ какъ не можно преложить ни зако-
„ новъ естества. Оныя воображенія,
„ кои нѣкіимъ людямъ, мечтаніемъ за-
„ раженнымъ, во снѣ пригрѣзились, что
„ будто бы находится средство нѣко-
„ торыми травами или цѣльбами про-
„ должить вѣкъ жизни, долженствова-
„ ли бы истреблены быть купно съ тѣ-

,, ми, кои ихъ мечтательно вымысли-
,, ли; естьли бы самолюбіе не приба-
,, вляло удобовѣрности, въ невозможнѣй-
,, шихъ вещахъ увѣряющей, а въ ис-
,, тиннѣйшихъ и самыхъ извѣстнѣй-
,, шихъ недовѣряющей. Панакія (а)
,, (которыя составъ можетъ статься,
что и былъ нѣкогда *Проливаніе кро-
ви* (б) и другія предлагаемыя средства
къ

(*а*) Находящіеся у Китайцовъ Лаокіон-
скаго Толка производцы углубяся весь-
ма въ Химіи ищутъ Философскаго ка-
мня и общія цѣльбы, то есть *Пана-
кіи*. Лао - Кіонъ хвастовался, что
нашелъ способъ продолжить человѣ-
ческую жизнь: по чему и названъ толкъ
сей безсмертіемъ. Сколь многіе въ Ки-
таяхъ Вельможи, да еще и сами Им-
ператоры отъ такихъ обманщиковъ
прельщены были, и вмѣсто продолже-
нія, прервали жалостно нить своихъ
дней. Смотри Истор. Кит.

(*б*) По открытіи Врачами въ тѣлѣ жи-
вотныхъ крови кругообращенія, на-
шлися

къ возобновленію или обезсмертвленію тѣла, равно суть вещію несбытною,

шлися нѣкоторые, что по такомъ обрѣтеніи польстилися найти способъ и къ возобновленію лѣтъ; пренесеніемъ старости во младость, и содѣланію чрезъ силы естественныя того, что волшебствами чрезъ цѣлительныя травы приписуютъ басни къ Мидіи. И такъ разсудили они отворить у старика жилу, а у молодаго артерію, [чрезъ которую преходитъ отъ сердца кровь въ жилы,] и нѣкоею золотою или серебреною трубочкою сообща кругообращеніе крови обоихъ тѣлъ, до того бы довесть, чтобъ изъ артеріи истекшая молодая кровь прелилася чрезъ жилу въ старика, изливши изъ него прежде чрезъ проколотую артерію равное количество крови. Легко было одарить молодому рабу состарѣвшагося своего Господина, или и сыну сморщившагося своего отца фунтомъ, или двумя своей крови. И такъ изъ многихъ сыновей и слугъ, могло бы собрано быть столько крови, сколько требуетъ возобновляемаго человѣка со-

какъ и баснотворный оный *Источникъ младости.* (в) Спра-

стоянїе. Опытъ сей дѣлался надъ двумя сабаками; хорошо что не былъ онъ произведенъ прямо надъ людьми, ибо не иное бы что отъ него воспослѣдовало, какъ вмѣсто младости гибель, и смерть. Здѣсь къ стати пришло упомянуть объ ономъ Евангельскомъ реченїи: (Матѳ. гл. 9. ст. 17. Марк. гл. 2. ст. 22. Лука гл. 5. ст. 37.) *Не вливаютъ вина нова въ мѣхи ветхи: аще же ли ни, то прорвутся мѣхи, и вино пролїется, и мѣхи погибнутъ.* Какъ бы снесли обезсилѣвшїе сосуды старикові силу крови, надымающагося младостїю человѣка? Какъ бы соблюлося мокротъ и окрѣплостей равновѣсїе? Да хотя бы и сего мы не уважили, то какъ бы нашлося таковое смѣшенїе крови, каковаго требуетъ претворенїе и вновь составленїе тѣла? и по такомъ смѣшенїи какъ бы не понесла бѣдствїя жизнь! Жизнь есть нѣкїй составъ, а во снѣ пригрѣзившаяся, чрезъ вышереченное прелїянїе младости, надежда доказала явнымъ безумїемъ.

(в) *Источникъ младости* славился издре-

вле

Страху и боязни, печали и тоскѣ надлежало имѣть себѣ мѣсто въ оныхъ токмо обстоятельствахъ, которыя могутъ случиться и не случиться. Сіи страсти, страхъ говорю и печаль, кажется священное естество въ человѣкѣ насадило, или какъ предохранятельныя, или какъ исцѣлятельныя врачевства оныхъ злоключительныхъ болѣзней, отъ которыхъ, до ихъ пришествія, можетъ человѣкъ поостеречься: а какъ придутъ, то отъ нихъ пооблегчится, и ихъ отвергнуть. Должно мнѣ бояться несчастія, чтобъ въ него не впасть; должно мнѣ печалиться о несчастіи, чтобъ отъ него отбыть: а бояться-

вле въ преданіяхъ Восточнѣйшихъ Народовъ. Раввины Еврейскіе говорятъ, что находится онъ тамо, гдѣ нынѣ пребываютъ въ живыхъ Энохъ и Илія. И что тогда изъявится гдѣ онъ есть, когда и сіи оба Пророка явятся проповѣдающими скончаніе Міра. То есть источникъ продолженія человѣческой жизни тогда обрящется, когда на земли человѣческая жизнь престанетъ.

бояться мнѣ смерти есть тщетно, ибо неминуемо надобно мнѣ умереть: да также и тужить при смерти есть излишно, ибо нѣтъ средства вѣчно мнѣ въ живыхъ быть. Сїе есть такое дѣйство, которое отъ промысла (Божїя) мнѣ не поручено, ниже дано подъ власть моему хотѣнїю. А яко не происходитъ дѣло какъ мнѣ хочется, то остается мнѣ хотѣть его такъ какъ оно послѣдуетъ. *Сего ради потребно и весьма есть полезно, въ разсужденїи томъ, что не бываютъ бываемыя вещи якоже мы хощемъ, хотѣти и намъ ихъ якоже онѣ бываютъ. И наипаче хотѣти сего при смерти.* Совѣтъ сей преискуснѣйшїй Великаго Отца нашего Василїя.

II. Способомъ на отгнанїя малодушїя при смерти, разсудокъ; ибо общимъ есть всему человѣчеству приключенїемъ смерть, отъ которой не дано человѣку власти, ниже состоитъ въ его воли изъяту быть. *Кто есть* *чело-*

человѣкъ иже поживетъ, и не узритъ смерти! Ни кто. Общая пословица научаетъ, что *несчастїе всякаго ничьимъ есть несчастїемъ.* И когда случай смертный толь есть общїй, то не должно быть бѣдствїю смертному такъ тяжку. Всѣ текутъ тѣмъ же путемъ, всѣ достигаютъ къ томужъ концу: и такъ вкупѣ съ другими всѣми, надобно со удовольствїемъ и мнѣ послѣдовать.

Естьли бы половина человѣческаго рода была изъ сея должности исключена, а остальнаябъ половина только умирала, и я бы былъ по несчастїю изъ вторыхъ; то бы былъ мнѣ нѣкоторой резонъ о томъ скорбѣть и тужить. Но меньше бы мнѣ надлежало досадовать, естьли бы исключена была отъ смерти изъ всего человѣческаго рода сотая доля. Еще и того меньше, естьли бы во сто лѣтъ единожды раждалося по единому человѣку безсмертному въ Свѣтѣ; имѣлъ бы я причину къ сѣтованїю, что не удалось мнѣ

быть онымъ безсмертнымъ сотой частицы. Наконецъ, естьли бы во всѣ вѣковъ продолженія, отъ сотворенія Міра до послѣдняго скончанія, опредѣлилъ Богъ единому токмо человѣку родиться безсмертну, то бы еще меньше осталося мнѣ причины къ печалованію и сѣтованію: ибо не единъ я только оный предъизбранный, и изъ всѣхъ изключенный. Но когда всѣ, всѣ вообще, сколько ихъ отъ Адама, даже до нынѣ ни было, да опять ихъ здѣсь не стало: сколько ихъ находится нынѣ въ живыхъ, кои ядятъ хлѣбъ: сколько ихъ имѣетъ еще народиться впредь, въ живыхъ быть, и наконецъ жизнь прекратить: всѣ безъ разбору, всѣ подвержены сему закону; то мнѣ ли уже трепетать и бояться, тужить и сѣтовать, плакать и рыдать, что я не изключенъ, что не дано мнѣ преимущества быть изъ всѣхъ человѣковъ и первому и среднему и послѣднему, единственно смерти не причастну? Сіе бы было явною и знаменитою меланхоліею, или лучше ска-

зать всецѣлымъ моимъ сумозбродствомъ.

Войди ты мыслїю за мною, въ прїосѣненный Лѣсъ: посмотри, сколько въ немъ древъ! на всякомъ древѣ сколько вѣтвей! на всякой вѣтви сколько листовъ! иные цвѣтутъ, иные увядаютъ, иные или отъ увяденїя, или отъ жестокаго вѣтра падаютъ. На листопадныхъ чаще, а навсегда цвѣтущихъ хотя и рѣже, однако и они неминуемо истлѣваютъ. Ибо видимо есть подлинно, что не находится у насъ ни единаго изъ листовъ онаго Масличнаго древа, котораго принесла у себя во устахъ Голубица сучекъ къ Ною, по Потопѣ, во знакъ изсякшей земли. Что я говорю? не осталось ниже малѣйшаго слѣда того самаго древа, чтобъ могъ кто сказать, что оно было! И такъ, естьли бы (сказать примѣромъ) единъ токмо вышепредъявленнаго отъ прїосѣненнаго Лѣса листъ сталъ тужить и плакать, и жестоко сѣтовать, и тосковать о

томъ,

томъ, что онъ, или по продолженїю солнечнаго жара имѣетъ до конца изсохнуть, или отъ сильнаго вѣянїя вѣтра оторвавшись упасть; не было ли бы таковое сѣтованїе онаго Листа глупо и смѣшно? Но образецъ, не разнится съ примѣромъ.

„Каковъ есть родъ листовъ, таковъ и человѣковъ:
„Листы, иные вѣтръ на земь обиваетъ, а другїе
„Древо цвѣтущее вновь раждаетъ.
„Такъ и человѣческїй родъ, иные въ немъ раждаются,
„А иные умираютъ.

Но послѣдуй ты мыслїю еще за мною изъ преждереченнаго Лѣса, на оный Ксерксовъ Холмъ, которой нарочно тотъ Великїй Государь велѣлъ выше насыпать по прибытїи своемъ въ городъ Авиду, чтобъ ему по возшествїи на оной осмотрѣть единымъ взоромъ все безчисленное то войско, которое онъ для разоренїя Грецїи набралъ. Съ той вышины единымъ взоромъ онъ обозрѣ-

обозрѣваетъ предъ собою премногія тьмы человѣковъ. Горы, Холми, Юдоли, Поля, Полуострова, Морскіе берега, самое Море кораблями, сколько можно было видѣть, и взоромъ ока едва достигнуть; все наполнено было людьми. Возгордился онъ сперва яко варваръ узрѣніемъ того, и *себя назвалъ счастливымъ*, какъ повѣствуетъ Иродотъ. Но послѣ одумался какъ человѣкъ, и побудился на изліяніе слезъ. *Потомъ прослезился.* И какъ дядя его Артабанъ, при немъ тогда бывшій, у него спросилъ: о чемъ онъ заплакалъ? то Ксерксъ о причинѣ того плача ему далъ узнать такимъ отвѣтомъ: *Пришло (де) мнѣ въ мысль сожалительное умиленіе .... когда изъ сихъ толь многихъ ни единаго, чрезъ столѣтіе, не останется!* Дозволяю я изліяніе оной слезы: и наипаче похваляю второй разсудокъ яко человѣческій, какъ на противъ поношу первое варварскогордое величавство. Сожалѣть всякому о общемъ человѣческаго естества злоключеніи,

есть справедливо, есть благоразсудно. Ахъ! Столько ли миліоновъ людей, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, имѣетъ превратиться въ землю и прахъ? Жизнь бѣдная! Состояніе жалостное! Природа окаяваемая! Но естьли Персидскій оный Государь удостовѣрясь, что всѣ безчисленные тѣ люди чрезъ малое время померли, восхотѣлъ бы послѣ самъ только живъ быть вѣчно, естьли онъ вѣдалъ и вѣрилъ тому, что всѣ оные люди подвержены были смерти, и никто изъ нихъ сего конца избѣгнуть не могъ; послѣ сталъ бы бояться, и трепетать, и тужить, и сѣтовать о себѣ, для чего онъ умереть имѣетъ, да и за чемъ не изключенъ изъ сего закона на свободу; не былъ ли бы онъ по тому всячески безуменъ?

Но выйдемъ мы изъ Авидинскихъ странъ, сойдемъ съ Холма Ксерксова, и протягнемъ умъ свой и еще выше. Приведемъ себѣ на память Лѣта вѣчныя. Помыслимъ о Родахъ родовъ, числомъ и словомъ непостижныхъ. Соберемъ

беремъ съ настоящими послѣднія и преждебывшія, въ толикихъ преемнонаслѣдіяхъ, и въ толикихъ множествахъ всякаго возраста, чина и званія Человѣковъ, которые исполнили, и исполняютъ, и будутъ исполнять платежемъ сей долгъ; какую благоразсудную вину мы имѣемъ смущаться и печалію снѣдаться, когда сего дни, или завтра предстанетъ и къ намъ Главный того долга сборщикъ, и востребуетъ у насъ взятаго нами въ заемъ? *Человѣче! не страшися осужденія Смерти.* Премудрѣйше наставляетъ тому Сірахъ: *Помяни первѣйшая и послѣдняя.* Всѣ умерли, и всѣ умрутъ. *Сіе бо осужденіе всякой плоти отъ Господа.* Опредѣленіе есть общее: Оно показалося Вышнему Создателю нашему благоугодно: можешъ ли ты ему въ немъ воспротиворѣчить? *Почто отрицаешися во благоволеніи Вышняго.* Однако (де) не нынѣ, но послѣ. Да еще и тогда скажешъ: послѣ, а не нынѣ. Да чтожъ пользуетъ *прежде* или *послѣ*, когда

конецъ

конецЪ непремѣнно имѣетЪ быть тотЪ же? Жизни Македонскаго Александра (сказываютЪ) было тридцать три года. Да чтожЪ прибыли, хотя бы онЪ прожилЪ и шестьдесятЪ шесть: развѣ бы удвоенïемЪ лѣтЪ отЪ несчастïя онЪ избавился? или содѣлалЪ оное легчайшимЪ? Сïе только то, что бы онЪ живучи болѣе страстей вЪ себѣ изЪявилЪ, кои суть наивящшимЪ зломЪ. Многость и малость жизни не причиняетЪ разности никакой, вЪ разсужденïи о Адѣ. *Десять ли, сто ли, тысяща ли лѣтЪ? НѣтЪ во Адѣ укора жизни.*

III. ТворитЪ человѣка при случаѣ Смерти счасливымЪ то, естьли онЪ вообразитЪ вЪ мысли своей, что смерть, есть сама по себѣ вещь легкая и безболѣзненная. Обстоятельства смерти признаваю я, что наводятЪ нѣкоторый страхЪ, когда кто едино по единому во мнѣнïе свое ихЪ вперитЪ. То есть: недуги, тоскованïя, головные и ножные ломы, падучïя болѣзни и другïя разныя при-

припадки, всѣ томительныя и мучительныя: потомъ разслабленіе удовъ, обезсиленіе, омертвѣніе, послѣднее изнеможеніе. Къ томужъ еще нечувствіе, земное бреніе гниль, червьми и прочими гадинами тѣла точеніе, его изныніе, истлѣніе, и въ землю превращеніе. Чья бы душа столь мужественна и терпѣлива была, чтобъ во время размышленія о семъ отъ страха не поколебнулась! Однако здѣсь, естьли кто разсудитъ правомысленно, сіи всѣ (злообразныя) Маски остаются бездѣйствительны. Смерть приходитъ во едино мгновеніе; ибо во мгновеніи ока происходитъ у разумныя души съ временнымъ тѣломъ разлученіе. Все что ни случается человѣку до реченной мгновенной минуты, какъ то: недуги, тоскованія, головные и ножные ломы, падучія и прочія болѣзни злоключеніемъ есть жизни. Не рѣдко ими страждутъ живые и безъ умиранія. И особливо, чѣмъ далѣе онѣ отъ смерти отстоятъ, тѣмъ жесточае ихъ чувствуютъ: а чемъ къ смерти подходятъ

ближе,

ближе, тѣмъ бываютъ нечувственнѣе, ибо приступающая Смерть чувство помрачаетъ и въ конецъ истребляетъ. И такъ, ежели по болѣзнямъ Смерть страшна, то слѣдуетъ жизни, и самой Смерти быть страшнѣе: потому что сіи страданія, суть ея, а не смертію приносимыя. Жизнь болѣзни раждаетъ, а болѣзни производятъ Смерть. Онѣ поражаютъ жизнь, а Смерть поражаетъ и истребляетъ и потушаетъ ихъ. И такъ естьли болѣзни страшны, то Смерти, освобождающей отъ страховъ, надобно быть нестрашной. А все то, что происходитъ еще послѣ вышеобъявленной смертной минуты, яко гниль, изныніе, растлѣніе, червьми точеніе, не суть умершему зломъ: ибо умершій уже съ здѣшняго свѣта отшелъ; и когда его нѣтъ, то оное зло ему нечувственно. *Къ умирающимъ бо томленіе не приступаетъ, и до мертвыхъ никакая болѣзнь не прикасается.*

Явная то глупость и безразсудство, что мы оное сраженіе, коимъ

біются

бїются съ нами живыми бываемыя прежде смерти, и по смерти припадки, поставляемъ, или по крайней мѣрѣ отъ не вниманїя себя обманываемъ, что яко бы они производятъ тоже, или и подобное нѣчто и въ самыхъ умирающихъ! Однако въ самомъ дѣлѣ не такъ. Сїе то есть оное, чему и Сократъ училъ Аксїоха: „Причиною „сему, о Аксїохъ! то, что отъ „невниманїя безразсудно полагаешъ ты „чувство тамъ, гдѣ чувства нѣтъ: „и такъ по всему тому, что ты ни „дѣлаешъ и ни говоришъ, супротивишся самъ себѣ, не думая, что въ „тоже самое время, когда съ одной „стороны плачешъ, что по смерти „останешся ты нечувственъ, съ другой тужишъ что истлѣешъ, и всякаго наслажденїя лишишся . . . Человѣкъ о томъ печалится, что лишается благихъ: ибо на противъ „страждетъ онъ злая. Но кого уже „нѣтъ, тому по лишенїи чувства, „какъ можно вкусить печаль, когда „не находится въ состоянїи разсуж-

„дать

,, дать о томъ, что будетъ его опеча-
,, лять? Впрочемъ, о Аксіохъ? естьли
,, не предположишъ ты по невѣжеству
,, сего чувства въ мертвомъ, то ни-
,, когда не убоишся смерти. А нынѣ
,, ты самъ себя въ томъ укоряешъ:
,, ибо боишся лишенія души, да опять
,, лишенію обратно даешъ ты душу:
,, страшишся нечувствія, да опять
,, думаешъ, что станешъ чувствовать
,, и тогда, когда не будешъ имѣть
,, никакого чувства.,, Противорѣчишъ ты Аксіохъ, и противоумствуешъ, и соплетаешъ глупо несоплетаемое. При печалованіи о томъ, что чрезъ смерть лишаешся ты чувства, да боишся опять, что яко бы смерть приносишъ чувствованіе обстоятельствъ печальныхъ: трепещешъ отъ лишенія души, а лишенію, которое есть небытіемъ, даешъ ты душу.

Примѣть, что слова сіи, слова суть не Эпикуровъ, или другихъ нѣкіихъ смертодушцовъ, которые отрицаяся невещественнаго естества безсмер-

смертія, и вводя совершенное человѣческаго духа уничтоженіе и изъ существа изъятіе; стараются иногда истребить такимъ образомъ изъ душъ человѣческихъ какъ бы бредню лжесловія, смертный страхъ. *Злымъ злое, малое и умѣренное большимъ и непристойнѣйшимъ*; или прямѣе сказать, *злымъ не злое изъемля*. Слова сіи изречены отъ Сократа, и Сократова Эсхинія, и Платона, Мужей поистинѣ добродѣтельныхъ и на божныхъ: которые особливо паче всѣхъ Философовъ подвизалися доказать разумныя души безсмертіе. А разумъ ихъ тотъ; что не яко не остается души по смерти, но что оныя неприятныя и невеселыя, и болѣзненныя припадки, чувствуемыя душею во время соединенія съ тѣломъ не чувствуетъ ихъ, ни она по изшествіи своемъ изъ тѣла, ни тѣло по разлученіи съ нею. Ихъ чувствуетъ человѣкъ живый, ихъ чувствуетъ умирающій, а во все ихъ не чувствуетъ умершій. Почему и Діогенъ Сінопеецъ вопрошенъ будучи:

Зла ли есть Смерть? отвѣтствовалъ: какъ (де) зла, когда ея присутствiя мы не чувствуемъ? да и Анаксагоръ научалъ двумъ ученiямъ о Смерти, одною есть время до рожденiя, а другою сонъ. Когда ты спишъ, чувствуешъ ли что? Ничего. Но когда тебя еще не было, что ты чувствовалъ? Ничегожъ. И такъ по всѣмъ симъ обстоятельствамъ, о которыхъ идетъ слово, то же будешъ имѣть безчувствiе и при самомъ умиранiи, и по умертвiи, каковое ты имѣлъ и до своего рожденiя. Да и какъ (говоритъ еще Сократъ) при Дракономъ и Клiостеновомъ правленiи никакого зла для тебя не было, потому что въ ту пору тебя, кому бы оно быть могло еще не быложъ такъ и по кончинѣ онаго не будетъ, ибо и тебя, кому бы оно быть могло, также не будетъ. Впрочемъ оставь ты такую бредню, взявъ въ разсужденiе, что коль скоро составъ единожды разрушится, и душа

на

на своемъ мѣстѣ утвердится; тогда оставшееся тѣло, яко бренное и бездушное, уже не человѣкъ есть.

IV. Великую имѣетъ силу въ оказанiи смѣла и готова къ смерти человѣка, и разсудокъ еще о горестномъ и прискорбномъ и многоболѣзненномъ здѣшнiя жизни состоянiи. Какая жизнь, увы! какая жизнь настоящая! Плаваемъ мы бѣдные люди въ маленькомъ, да еще и трухломъ ботикѣ, каковымъ есть бѣдное сiе и слабое тѣлесное (наше) обиталище, аки бы по широкому, многоволненному и свирѣпому морю. Понужденiя и насилiя страстей вѣютъ со всякой стороны, и не знаемъ какъ, или до коего мѣста бѣдное сiе суденко дойдетъ. Помраченiе и темнота неразумiя, прикрываетъ у насъ аки густый облакъ прозорливость души, и не видимъ куды у нашего суденка руль, и куды бортъ обращенъ. Обуреванiя, погоды непостоянствъ и злоключенiй, и коловрат-

ловратностей житейскихъ смущаютъ насъ повсюду, и насъ колеблютъ; такъ что ни въ чемъ твердости ко укрѣпленію себя не имѣемъ, ниже на мгновеніе ока успокоенія себѣ и отдохновенія мы не улучили. Перебираемся мы съ волны на волну, и таковыхъ волнъ между собою сраженія происходятъ безпрерывно и непрестанно. Одна волна, Ахъ! прошла: вотъ другая насъ облила: третія, видишъ ли? уже до насъ дошла. Иная еще впереди идетъ. Остальныя, О! сколь въ великомъ числѣ, и угрожаютъ намъ изъ дали. Которая бъ была та волна, коя иногда насъ поглотитъ? Буря съ часа на часъ прибавляется, и усиливается: и море то даже до небесъ подымается, то глубокія свои зѣвы даже до безднъ разѣваетъ. И такъ, какой конецъ намъ будетъ? О! не затащатъ ли онѣ насъ въ глубину сердца морскаго? или многоводіе не схватитъ ли, и не побіетъ ли насъ пращами въ камняхъ оныхъ горъ вѣчныхъ? не остановитъ ли насъ мѣль

у же-

у жестокихъ береговъ кораблекрушенія? или на томъ то мѣстѣ лежащій впереди островъ, или и далѣе скрытый въ морѣ камень насъ не разбіетъ ли, и не разсыплетъ ли? . . . *Господи спаси . . . Погибаемъ!* . . .

Чья человѣколюбная десница принесетъ насъ въ пристанище? Но которое есть сіе желаемое пристанище, какъ не Смерть? Конечно Смерть. Сотадъ, между толикими негодными и непристойными враками, сказалъ нѣчто и мудрое и разумное: *Всѣхъ человѣковъ пристанище, Смерть.* Подлинно такъ. Въ такой жестокой бури, которую мы извѣдываемъ въ здѣшней жизни, Смерть есть великій даръ; и спокойное пристанище, говоритъ Богоявленный Василій. *Лучшій человѣку даръ Смерть, успокояетъ бо она всѣ тѣ зла, кои бы мы могли содѣлать или пострадать: ибо что есть плавающимъ въ морѣ благоуспѣшное пристанище, то въ здѣшней жизни обу-*

 ре-

реваемымъ тамошнее преставленіе и преложеніе.

Всѣ тѣ, кои благоразумно разсмотрѣли множество сопровождающихъ многоболѣзненную и многоплачевную нашу здѣшнюю жизнь злоключеній, всѣ согласно признали, что столько отъ нихъ отдалена Смерть, почитаемая отъ многихъ великимъ тѣмъ и страшнымъ зломъ, сколько она есть наипаче великимъ врачемъ, да и врачемъ не однихъ токмо болѣзней, по Софоклу,

Смерть есть послѣднимъ врачемъ болѣзней.

Но и другихъ еще всѣхъ злоключеній, по реченію Эсхила.

Едина токмо ты неизцѣляемымъ золъ врачемъ.

Злоключенія, здѣшнюю жизнь сопровождающія, по истиннѣ суть многи и различны: безчисленны, неминуемы, и неизбѣжны. *Живущему надобно много имѣть несчастій!* Нѣтъ нужды чтобъ намъ о томъ напоминалъ

Фі-

Філімонъ, сами о семъ извѣстны по опыту. Да и самыяжъ еще мнимыя блага, естественно нѣкакъ смѣшены со злами: *Нѣтъ ни единаго блага, кое бы не смѣшано было со зломъ.* Смѣшана находится всегда да и повсюду съ пріятностію сладости, горесть печали. *Къ веселостямъ примѣшивается печаль.* И особливо ежели мы разсудимъ въ точность, то превосходитъ горесть сладость, и грызеніе печали преодолѣваетъ примаику веселія.

Таковато всячески человѣческая жизнь, что мы не столько веселимся, сколько печалимся!

Однимъ словомъ: жизнь и печаль кажется что имѣютъ между собою естественное нѣкое сродство, по чему Менандръ и воспѣлъ:

Развѣ у печали съ жизнію какое либо есть сродство?

Есть безъ сумнѣнія сродство ближайшее: вотъ какіе тѣ источники, изъ коихъ проистекаютъ горькія разныхъ

печалей воды, жизнь нашу заливающїя и потопляющїя.

Первое отъ естественнаго состава и сложенїя человѣческаго тѣла произтекаютъ бѣдности и труды, скуки и досады, скорьби и печали, всякїя разновидныя болѣзни и немощи, отъ нихъ частое и безпрерывное прехожденїе къ тлѣнїю и разрушенїю! съ чего и Григорїй Назїанзинъ воспѣлъ: *Изъ гроба вышедъ, на гробъ шествую. Прехожу я изъ гроба во гробъ: и жизнь моя не другое что, какъ непрестанный путь, по коему шествую изъ глубины чрева меня раждающаго, во глубину могилы меня прїемлющїя.* Да и Платонъ похваляя оное изреченїе Эврїпидово: *Кому про то свѣдомо, что жизнь ли есть умиранїемъ, или умиранїе жизнїю?* Выговорилъ: *Можетъ (де) статься что мы и дѣйствительно умерли.* Отсюды естьли намъ дозволится повесть прямо къ предмѣту нашему Эврїпидово и Платоново мнѣнїе, пренесенїемъ онаго

въ

въ безсумнительное утвержденіе; то продолженіемъ сего можемъ точно изрещи, что по непрестанно произходящимъ во многосмѣсной и многосносной плоти нашей движеніямъ, премѣнамъ, измѣненіямъ, прибавленіямъ, убавленіямъ, изліяніямъ, испражненіямъ, премногимъ припадкамъ, *хотя мы и не умерли*, однако всячески съ года на годъ, со дня на день, съ часа на часъ, съ минуты на минуту, *умираемъ*.

Второе отъ природы страстей, желаній душевныхъ и хотѣній, произходятъ дымы честолюбія, гордости и киченія: жала любопренія, и тяжбы, и ревенія: разгоряченія гнѣва, и негодованія, и ярости; неудержныя стремленія ко блудодѣянію и невоздержанію: неудовлимыя и ненасытныя жадности къ богатолюбію, и лишшеимству: безпокойныя любопытства и многосвѣденія: излишнія и многодѣльныя заботы и попеченія, болѣзнованія и смущенія сердца: безъ извѣстности и незнаемости будущихъ произ-

 шествій:

шествій: упованія и отчаяванія, подозрѣнія, страхи,

сѣтованія, мнѣнія, славолюбія, обыкновенія;

всѣ сіи прилагательныя естественно злы,

какъ Комикъ ихъ называлъ.

Отъ непостоянства вещей свѣтскихъ, кое мы обыкновенно называемъ счастіемъ, или случаемъ времени; произходятъ въ жизни убытки, уроны, кражи, грабежи, насилія, досады, нищеты, уничтоженія, укоризны, поношенія, злохуленія, клеветы, навѣты, оговоры, измѣны, обманы, ласкательства, злодѣйства, подъиски, гоненія, изгнанія, прельщенія, и премногія другія напасти и искушенія: бѣды на земли, бѣды въ мори, во вселенныхъ, въ необитаемыхъ мѣстахъ: во врагахъ, во друзьяхъ, во лжебратіяхъ: Кто можетъ все таковое изчислить?

Утвердя же на всемъ томъ свою мысль человѣкъ, можетъ ли почесть

тол

толь великимъ добромъ здѣшнюю жизнь, такъ что бы онъ на противъ вмѣнилъ Смерть за совершенно себѣ несносное зло? О сихъ безчисленныхъ злыхъ соумствовалъ Платонъ, и испытанія произвелъ сходственное съ жалостнымъ симъ тѣломъ, кое мы носимъ, говоря: что *тѣло есть у насъ клеймомъ или знакомъ*, то есть памятованіемъ его умерщвленія. Да и Платоновъ Ѳемистій назвалъ *узою тѣло*, ибо держитъ оно душу связану. *Насиліемъ жизнь*, ибо душа въ немъ содержится насильно; *днемъ рожденія*, яко онъ начаткомъ *трудовъ и болѣзней* бываетъ. Сіи премудрые мужи положили на вѣсы съ одной стороны всѣ злости жизни, а съ другой стороны Смерть: и увидѣли оные вѣсомъ тяжелѣе, а сію легче, чего въ разсужденіи и Гимнософистъ (у Плутарха) будучи вопрошенъ отъ Македонскаго Александра: *что изъ обоихъ ихъ сильнѣе?* Отвѣтствовалъ; *жизнь, толикія зла сносящая*. По чему и Ѳеогнъ благополучіемъ человѣка поставлялъ,

влялъ, что кой часъ только изъ матерней утробы онъ родится, прешествіе его во чресла общія матери:

„Родился на то, чтобъ ему поскорѣе
„въ адскія врата пройти.

И еще Неоптолемъ лучшимъ другомъ быть доказывалъ Смерть, да еще и любезнѣйшимъ оную, которую инако признавалъ себѣ врагомъ.

„О Смерть! естьли бы была ты самовостательна, то бы я тебя прежде всего избралъ:
„И хотя ты мнѣ врагъ, но сдѣлалась бы другомъ прелюбезнѣйшимъ.

Также и Леонидъ уговаривалъ всякаго предусрѣтать Смерть весело, и храбро:

„Съ веселымъ духомъ плылъ во адъ
по проложенному въ него пути.

Да еще и Эврипидъ на премѣну приходящихъ напастей, призывалъ къ себѣ Смерть:

„Полно тебѣ жизнь во мнѣ быть:
выйди изъ меня поскорѣе.

„Дон-

,, Дондеже имѣнію моему или тѣлу чего не приключится.

По чему наконецъ, или Трансяны у Иродота, или Кавсіаны у другихъ, или Ѳракіаны у третьихъ совосклицали рыданія и пѣсни печальныя, когда у нихъ раждался младенецъ: а праздновали напротивъ и торжествовали, кто изъ ихъ домашнихъ умиралъ. На сіе ихъ обыкновеніе и стихотворецъ взирая воспѣлъ:

,, Живаго должно оплакивать, на коликія приходитъ онъ злоключенія!

,, А умершаго, отъ трудовъ успокоившагося, съ радостію и веселіемъ выносить изъ домовъ.

Всѣ сіи (Философы) будучи еще и Язычники, то есть единымъ токмо свѣтомъ естественнымъ путеводимые, зная и видя безконечное число оныхъ золъ, отъ которыхъ здѣшняя вся жизнь бываетъ окружаема, отъ всюды осаждаема и непрестанно побиваема, сіе только находили сильное отъ нихъ лѣкарство и цѣлительную по истиннѣ траву *вра-*

чеванїемъ усыпляющую скорбь и печаль, которая безъ (горькой) желчи то производитъ, что позабываются всѣ злоключенїя, то есть Смерть. И такъ они ее признавали яко найлучшїй боговъ даръ, какъ заключается и изъ насыланныхъ отъ боговъ смертей, кои какъ повѣствуютъ по умоленїю нѣкїихъ въ жребїй имъ воспослѣдовали. Агамидъ (говорятъ) и Трофонїй, созидатели бывшаго въ Дельфахъ храма, просили милости себѣ у Бога въ награжденїе за ихъ благочестїе и трудъ, кою и получили немедлѣннымъ заснутїемъ въ Смерть. *Помолившись они о томъ, чтобъ лучшее что съ ними содѣлалось; заснувши уже не востали.* Клеонъ также и Витонъ, сыновья Жрицы Аргской, (сказываютъ) что по не имѣнїю у себя на упряжку пары воловъ, запряглися сами подъ телѣгу, на которой везли старуху мать свою во храмъ: за что прїобрѣли по силѣ принесенїя усердной молитвы отъ матери то, что они въ

при-

приходящую нощь оба умерли. По молитвѣ, нощїю жизнь премѣнили. Да и Омиръ, по изреченїи о Амфїораѣ, что Боги его любили.

„Весьма онъ отъ Зевеса козо„кожаго сердечно любимъ былъ, „да также и отъ Аполлона . . . „всякою любовїю . . .; дополнилъ послѣ, яко доказательствомъ Божїя благоволенїя, что умершїй оный юноша не дожилъ до старости, . . ниже достигъ до пути старости. Изъ чего видно что возъимѣлъ причину выговоренъ быть и отъ Менандра, оный, уже до него предвозвѣщенный, стишокъ:

„Кого Богъ любитъ, тотъ умираетъ „младъ.

Впрочемъ истинныя ли суть таковыя повѣсти, или баснотворныя? Но хотя онѣ по себѣ баснословны, и ихъ произшествїе притворно; то однако прилогъ ихъ нравоучительный самый есть истинный и правдивый, что Смерть даръ есть бываемый человѣку

отъ

отъ Бога, и великое его къ намъ благодѣянїе.

Сїю истинну, которую видѣли Мудрецы Еллинскїе между тьмами неразумія, увидѣли ясно и Божественные наши Отцы, свѣтоводимы будучи отъ свѣщи Священныхъ писанїй, и отъ свѣта Вѣры. Отцы не такое имѣютъ мнѣнїе, каковое имѣли внѣшнїе Мудрецы, о злахъ только естественныхъ, и о случаѣ выше сего нами предъявленномъ; но что все то называется злами наказанїя, а не прямо суть злая. Не имѣютъ они (говорю) того разумѣнїя, дабы имъ только заключить, что Смерть, яко такїя зла истребляющая, человѣческому естеству желаемымъ есть спокойствїемъ, и такъ знаменитымъ благодѣянїемъ; но разумѣютъ еще и о злахъ произволенїя и мнѣнїя, кои называются злами достойными вины смертной, да и прямыми тѣми злами, каковыя происходятъ отъ преступленїя законовъ, и грѣховъ: по чему и наводятъ то рѣшенїе, что Смерть есть великое добро,

кое

кое человѣку устроило божіе Провидѣніе. Ибо она пришедши къ Праведнику предвосхищаетъ его отъ паденія, прежде нежели онъ съ правоты уклонится, и въ бездну грѣха опровергнется, по оному реченію Соломонову: *Восхищенъ бысть да не злоба измѣнитъ разумъ или лесть прельститъ душу его.* (Премудр. гл. 4. ст. 11.) Пришедши же ко грѣшному, пресѣкаетъ его стремленія ко злому, прежде нежели онъ въ конецъ развратится, и впадетъ во глубину погибели: и прежде нежели достигнетъ прибавленіемъ беззаконія къ беззаконію дополнить въ крайность мѣру своихъ грѣховъ, и присовокупить себѣ тягчайшія казни *во время суда.*

Не можно намъ пострадать чего либо злаго (глаголетъ Великій Василій) безъ воли вся на пользу производящаго Бога, ниже какого есть страха, что бы во всемъ томъ, что Всеблагій Его Промыслъ о насъ устроеетъ, было что намъ вредное, и какой либо уронъ наносящее: но все благое, все полезное, все выгодное, такъ

что

что мы не можемъ ни помыслить о чемъ либо другомъ лучшемъ, полезнѣйшемъ, и выгоднѣйшемъ изъ того, чему у насъ быть соблаговоляетъ Богъ. *Ниже бы мы пострадати что могли егда Богъ не хощетъ, ниже изъ того еже мы страждемъ, что либо вредное есть, или нѣчто таковое, еже бы лучшее изъ того что намъ получити.* Сїе (говоритъ тотъ же Святый Отецъ) должно намъ помышлять и о самой Смерти; ибо и она единымъ есть изъ великихъ оныхъ даровъ, кои прїуготовилъ Богъ человѣку: *Лучшїй человѣку даръ, Смерть.* Какимъ образомъ? такимъ, что пришествїемъ къ человѣку Смерти, не токмо онъ успокояется будучи пресѣченъ отъ золъ мучительныхъ, которыя бы въ жизни безпрерывно имѣлъ претерпѣвать: но и отъ другихъ золъ грѣховныхъ, гораздо еще злѣйшихъ и пагубнѣйшихъ, кои бы при продолженїи жизни могъ онъ впредь производить: *Успокояетъ бо она отъ тѣхъ золъ, кои бы и страдати, и творити имѣлъ человѣкъ.*

Пла-

Плачемъ мы о томъ что имѣемъ себѣ по нуждѣ горькій сей плодъ преступленія родоначальникова; окаяваемъ природу нашу, что она подвержена Смерти: и Смерть сію вмѣняемъ за великій себѣ уронъ, претяжкое наказаніе, злоключеніе несносное. Однако здѣсь уронъ (по слову Григорія Богослова) есть прибыткомъ. Здѣсь наказаніе человѣколюбіемъ, здѣсь злополучіе благополучіемъ, ибо такимъ образомъ пресѣкается злое, и не остается оно безсмертно. *Обаче пріобрѣтаетъ и здѣ* падшій родоначальникъ) *Смерть, и разрушеніе, грѣха, да не безсмертно бы осталося зло, и было бы человѣколюбіемъ наказаніе, такъ то я вѣрю Богу наказывати.* Ктожъ упорствуетъ, и кто сѣтуетъ, и кто плачетъ о случаѣ Смерти? Тотъ подлинно, кто, или яко крещеніемъ непросвѣщенный не обучился таковому о человѣческомъ родѣ промыслу, или какъ неблагодарный не признаваетъ Преблагаго Бога человѣколюбія, и неизреченныя его къ намъ милости.

V. Между всѣмъ вышереченнымъ, творитъ еще при смерти человѣка великодушна и терпѣлива, и свободность жизни. Называю я жизнію свободною, оное непорабощенное разумѣніе и представленіе души, по елику она бываетъ выше всякаго вещественнаго пристрастія, и не допускаетъ душу привязываться толикими узлами къ вещамъ земнымъ: и свободу сію не заключаю я въ недостаточествѣ, но требую ее и между стяжанія и имѣнія благъ, да и въ самомъ еще ими наслажденіе. Свободнымъ я называю не того, кто не имѣетъ способа удовольствовать своихъ желаній: но того, кто не много желаетъ, и довольствуется тѣми вещами, что имѣетъ: и имѣя ихъ у себя, ими обладаетъ, а не отъ нихъ обладается. Не свободенъ есть пустынножитель, когда мечтаніе его углублено въ помышленіи о Мірѣ: ни простой и незнатной человѣкъ, когда умъ его зіяетъ на знаменитость чиновъ и на суеты: ниже тѣломъ дѣвствующій, и во уединеніи пребывающій; когда мысли его вырѣзываютъ въ

немъ

немЪ Истуканы нечистыхЪ воображеній, и сердце его сожигается отЪ пламени сокровеннаго и вЪ мысли содержимаго любодѣянія, и невоздержныя похоти, ни нищій и убогій, и имѣнія у себя не имѣющій; когда во весь день безмѣрно суетится не о томЪ, чтобЪ ему изобиліе имѣть вЪ необходимо чемЪ нужномЪ, но чтобЪ премѣнить свое состояніе: и такЪ во всю нощь грѣзятся ему во снѣ сокровища и богатства. Истинной свободѣ хощу я быть вкорененной во глубинѣ самыя души, и вЪ срединѣ сердца. По моему разсудку, да и по сущей истиннѣ свободенЪ есть тотЪ, кто и во много мятежностяхЪ градскихЪ спокоенЪ и миренЪ, и на высотѣ Престоловъ кротокЪ и смиренЪ, и окружаемый отЪ сильныхЪ приманокЪ сластей кЪ нимЪ неподвиженЪ и цѣломудрЪ; да и оный, кЪ кому текутЪ преизобильно имѣнія и деньги. вЪ ихЪ употребленіи умѣренЪ, и богатство презираетЪ: употребляетЪ имѣющееся у него благопристойно, а не во зло оное расточаетЪ пристрастно: сноситЪ чего лишается

удо-

удоботерпѣливно, а не желаетъ онаго страстно. Сей то есть, какъ выше мною упомянуто, по моему разсудку, и по самой истиннѣ человѣкъ свободный. А кто таковъ, тотъ конечно и къ условію о кончинѣ жизни на Смерть готовъ, и на умираніе удобосклоненъ.

Вещелюбецъ, по природѣ есть еще и душелюбцемъ: душелюбецъ, также и животолюбцемъ: а животолюбецъ къ смерти робокъ и труслив̂ъ. Сколь больше пристрастіе и боязнь отъ благихъ въ жизни угнѣтаютъ душу, столь она крѣпче держится отъ тѣла: да и сколь крѣпче душа отъ тѣла удерживается, столь болѣе въ мысли и разумѣ отъ тѣлеснаго изліянія мятется и смущается. Ибо таковая душа не любитъ токмо жизнь для житія, но любитъ жизнь и для насажденія еще всѣмъ тѣмъ къ чему она склонность и пристрастіе имѣетъ. *Душе моя!* (говоритъ безумный Евангельскія притчи богачъ,) *имаши многа блага.* Не хорошо онъ выговорилъ.

рилъ. Надлежало бы ему сказать пристойнѣе, что многія блага имѣютъ у себя душу его, и ее всячески одерживаютъ. Но пусть такъ: *Имаши многа блага.* Да чтожъ впрочемъ? *лежаща на лѣто много.* Что? *лежащія ли!* а не *движимыя ли?* не подлежащія ли *премѣнѣ* и *упадку?* Конечно такъ. Какъ душа прилѣпляется къ симъ благамъ пристрастно и находится отъ нихъ со всею своею склонностію неразлучна; такъ она яко заблуждающая мнитъ, что и сіи блага остаются равно съ нею соединены безъ упадка, не отъемлемы, не разлучны, недвижимы. *Лежаща* да еще *лежаща* и *на лѣта многа.* Сей глупецъ изчисляетъ множествомъ у себя благъ, множество своихъ дней мечтаетъ, что какъ имѣетъ благъ много, по тому имѣетъ и прожить *лѣта многижъ:* и обѣщаетъ себѣ долгую жизнь, соразмѣрну и соотвѣтственну съ имѣніемъ своего богатства. Хощетъ онъ жить, дабы ему что либо въ нажитокъ еще получать. Хощетъ

щетъ не покоиться для житія, но жить для покоя. *Почивай*. Не ѣсть для жизни, но жить для ѣды. *Яждь*. Да также жить и для питья. *Пій*. Жить, чтобы ему всѣмъ тѣмъ веселиться, въ чемъ всячески находится сердце его порабощено. *Веселися*. И отъ такого человѣка можно ли уже надѣяться, когда кому великодушія и терпимости въ случаѣ смертномъ? не можно никакъ, никогда.

У коихъ зубовъ не великіе корни, тѣ легко, да и безъ боли вырываются: кои вѣтви отъ пня древа меньшее въ себѣ питательнаго сока изліяніе имѣютъ, тѣ удобно и безъ труда отломываются. Равнымъ образомъ и оныя ду́ши на изшествіе изъ бреннаго сего тѣла способны, которыя хотя не во все отъ совершеннаго безстрастія свободны, хотя не столько мѣрнострастіемъ въ земныхъ вещахъ вкоренены, и въ которыхъ вещелюбивая, и богатолюбивая, и сластолюбная жизнь меньшее къ пристрастію

стїю, и прилѣпленїю къ мирскимъ вещамъ излїянїе имѣетъ.

О древнихъ Лакедемонянахъ повѣствуютъ, что не дивно то было, естьли они съ толикимъ великодушїемъ предусрѣтали Смерть на войнахъ; ибо претерпя они нужду ужѐ изъ дѣтска въ жестокомъ и болѣзненномъ воспитанїи и умѣренности, не имѣли многихъ причинъ къ здѣшней жизни столько себя привязывать, чтобъ имъ много скорбѣть о Смерти. Что они у себя имѣли такое сладостное и прїятное въ жизни, чтобъ имъ печалиться о разставанїи съ нимъ? обучены они бывши изъ млада въ мужественномъ и терпѣливомъ пребыванїи, и ничего не имѣя (по тѣмъ законамъ, по коимъ воспитаны были и жизнь свою вели) у себя особеннаго, но признавая все общимъ, не имѣли ни къ какой земной вещи сильнаго пристрастїя: будучи же свободны отъ такого пристрастїя, не взирали на Смерть толь страшную, по чему и приуготовяся

ожидали ея съ ногою не дрожащею, и душею безмятежною и мужественною, во всякомъ обстоятельствѣ. Сивaрїту, всячески роскоши и сладострастїю поработившемуся, надлежало по природѣ быть робку и малодушну, и по тому къ Смерти не удобопреклонну: а Спартанцу напротивъ, яко воспитанному въ терпѣливомъ всего сношенїи надлежало быть храбру и безбоязненну, и по тому на Смерть удобопреклонну. Слѣдовательно было оному страшиться и трепетать отъ услышанїя только о Смерти: а сему утверждаться и укрѣпляться приближающемуся и къ самой съ Смертїю роздѣлкѣ.

За что похвалы достоинъ и по сему, между другими Фїлософами, Платонъ: назвавшїй истиннымъ Мудролюбїемъ *размышленїе о Смерти*. Другїе Фїлософы научали учениковъ, какъ имъ надобно тщаливо и добропорядочно жить: а Платонъ еще наставлялъ и тому, какъ имъ надобно благопохвально умирать. Приказывалъ онъ

онъ имъ подвизаться прилѣжно о Смерти по всякій день, пока они въ живыхъ находятся, дабы имъ разстаться счастливо съ жизнїю, когда придетъ время имъ умереть. Но какой есть сей повседневныя Смерти подвигъ, и въ немъ упражненїе? Тотъ, чтобъ умирать тебѣ ежедневно. Сегодни чтобъ ты умертвилъ едину страсть, завтра другую: сего дни прихоть сїю, завтра оную: сего дни гордость и спесь, завтра гнѣвъ и ярость, послѣ завтра невоздержанїе и блудодѣянїе, также и прочїя страсти. Сїи то суть статьи истиннаго любомудрїя. Сїе то есть истинною философїею: *Разсужденїе о Смерти, со страстями разлученїе, и похотей и желанїй умерщвленїе.* Кто воспитается радѣтельно, и предобучится терпѣливно симъ ученїямъ, тому нѣтъ средства бояться много, ниже устрашаться, когда услышитъ о Смерти. Боится и страшится ее душа оная, которая не научилася, ниже хощетъ отрещися отъ сво-

 ихъ

ихъ прихотей. *Нехотящая (душа) отстать отъ похотей, боится смерти и разлученія съ тѣломъ.*

VI. И послѣднее наставленіе и врачество паче всего предреченнаго противу страха смертнаго, дѣйствительнѣе, непостыдная есть надежда въ чистой совѣсти, и твердое чаяніе будущаго преблаженнѣйшаго преставленія: то есть твореніе добродѣтели, и воспріятіе тамошнихъ наградъ и мздовоздаяній. Страшна есть смерть, когда она представитъ тамошнія страшныя обстоятельсства, кои страшны тогда бываютъ, когда здѣшнія (наши) страшныя дѣла бываютъ изобличены. *Страхъ смертный опечаляетъ мужа обличаемаго отъ совѣсти своей.* Но когда душа оградивши, и предутвердившій себя страхомъ Божіимъ, препровождаетъ жизнь свою съ Божіею благодатію, тогда она не боится тѣни смертныя; ибо имѣетъ и видитъ предъ собою

свѣтъ

свѣтъ животный. *Аще бо и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла: яко ты со мною еси.* Тогда разсуждаетъ душа о Смерти, не аки о пребыванiи во тли, но яко о шествiи, (*аще пойду*) и яко прехожденiи изъ скорбныхъ и печальныхъ (обращенiй) въ жизни, на лучшiя и премногагo веселiя наполненныя. Тогда душа о ней разсуждаетъ, не яко о смерти истинной, но яко о *сѣни смертной*: ибо увѣряется она словомъ изреченнымъ: *Вѣруяй въ Сына Божiя, иматъ животъ вѣчный, не умретъ.* (Iоан. гл. 3. ст. 36.) И еще другимъ: *Вѣруяй въ мя, аще и умретъ оживетъ.* (Iоан. гл. 2. ст. 25.)

Такой душѣ и Мiръ есть распятiемъ, и она распятiемъ Мiру, по Апостолу: *Мнѣ Мiръ распяся, и азъ Мiру.* (Гал. гл. 6. ст. 14.) Она есть мертвою во *страстяхъ и похотяхъ*; въ живыхъ такъ находится, какъ бы жива не была: ибо

 не

не живетъ въ тѣлесныхъ, но живетъ въ ней Христосъ, живою и жизненосною силою Духа. *Живу же не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ.* (Гал. гл. 2. ст. 20.) Жизнїю ея есть вѣра ея. *А еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу Сына Божїя.* По чему и желаетъ отвергнуть какъ наискорѣе плотское сїе жилище, чтобъ быть ей свободнѣйшей, и соединить со Христомъ жизнь свою совершеннѣйше. *Желаю разрѣшитися, и со Христомъ быти.* Поставляющи же медлительность таковаго разрѣшенїя великимъ себѣ урономъ, и аки бы въ плѣнѣ тяжчайшею неволею; печалиться и сѣтуетъ о продлѣнїи времени: *Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея!* (Псалм. гл. 7. ст. 24.) Не отъ *смерти тѣла*, но отъ тѣла смерти. Ибо не огорчавается онъ смертїю, но паче ее хощетъ; по тому что скучаетъ смертнымъ тѣломъ, и желаетъ оное съ себя сложить.

Но которая душа такая находится, какова была душа Павлова? Наипаче Павелъ хотѣлъ быть всѣмъ такимъ, каковъ былъ онъ. Но ежели Христїянинъ не достигаетъ до возшествїя на сїю гору совершенства, то долженъ хотя стараться, сколько можно, до нее ближе добираться: и ежели не сподобляется дойти до оныхъ мѣръ Апостольскихъ, чтобъ сбылося и съ нимъ то, *Еже жити Хрїстосъ, и еже умрети приобрѣтенїе*; то долженствуетъ хотя исправнѣе себя повесть въ житїи Христїянскомъ, и умиранїе не поставлять себѣ урономъ; ниже скорбѣть и печалиться о приступлении къ нему Смерти, *яко же и прочїи не имущїи упованїя*.

О Христїянинъ! Вѣрѣ твоей надобно прилложать въ душѣ твоей добродѣтель. Добродѣтели Христїянскаго твоего жительства надлежитъ зараждать во умѣ твоемъ надежду другїя жизни, блаженныя оныя и все-

благополучныя: которая надежда укрѣпи и утверди Божїею Благодатїю естественную твою немощь, станетъ производить въ сердцѣ твоемъ презиранїи многоболѣзненныя здѣшнїя жизни, да и тѣлесныя еще смерти безбоязнство.

Но я тебѣ, предлагаю о семъ: А ты выслушай, естьли хощешъ еще и рецептъ оному лѣкарству, которое приуготовилъ Богословъ и Священнопроповѣдникъ Іосифъ Врїенїй, Императору Мануилу Палеологу, во утѣшенїе ему при умиранїи невѣсты его Анны, какъ еще и для внѣдренїя въ душу его безпечалїя о Смерти.

„Поди поскорѣе, возми духовныя „радости корень; и похвальнаго терпѣнїя листы, и душевнаго успокоенїя плодъ: и вдовиче оправданїе: „и сираго судъ: и плѣненнаго терпимость: и страннаго кротость: и убогаго смиренїе: и содержащихся во узахъ сокрушенїе: и болящаго моленїе:

,,нїе: и все то истолки въ иготи по-
,,виновенїя, по томъ просѣй ситомъ
,,благихъ помысловъ, и всыпавъ въ
,,чистой горшокъ ума, прилей въ не-
,,го и воду любви: и подъ горшкомъ
,,разложи огонь Богу усердїя. Когда
,,же довольно (все то) поуварится,
,,то вылей оное съ бережливостїю, и
,,прохолоди со благодаренїемъ, и при-
,,ми со умиленїемъ. Кушанїе твое
,,да будетъ памятованїе Бога: А пи-
,,тїе, непрестанное любленїе Христа:
,,вся же умѣренность въ томъ, чтобъ
,,во всемъ тебѣ прославляти Духа
,,Святаго, да и не обращатися вспять
,,во вся дни живота твоего. Сїе лѣ-
,,карство на истребленїе печали весь-
,,ма полезно.

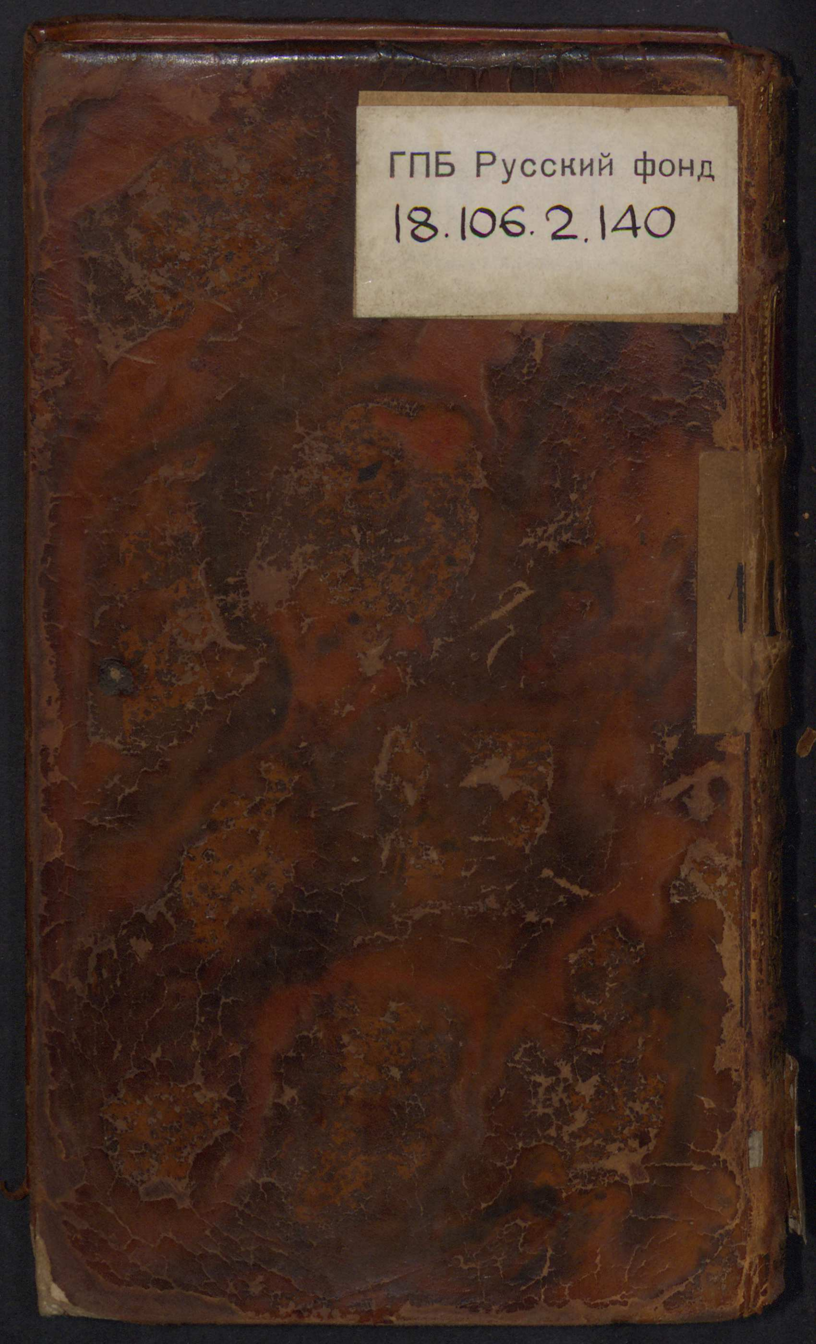
АМИНЬ.

ГПБ Русский фонд
18.106.2.140